

Татьяна
ШАХ-АЗИЗОВА

Не может быть! Говорят, что Слава... простите, Станиславу Андреевичу Любшину — 60. Не верится.

Как бы ни взмахивал он своей седой шевелюрой, сколько бы ни переиграл на сцене и на экране, — все молод. Ни возраст, ни опыт, ни популярность не прибавляют ему вальняжности, такой барственной усталости знаменитого и всем слегка пресыщенного народного артиста России. Он так же застенчив на людях; не мелькает, подобно своим собратьям, на телеэкране в разных акциях и презентациях. По-прежнему обходится без имиджа — нет у него имиджа, есть сам Любшин. И тот же внутренний тревожный огонь создает вокруг него поле высокого напряжения.

Есть и еще причина. То, что сделал в искусстве Любшин (кино, театр, радио, ТВ), не складывается в нечто целое, в любезную сердцу критика формулу. То ли мир Любшина слишком живой, подвижный и сложный, то ли наша критическая братия поленилась, но формулы нет. И вместо того чтобы просто поздравить, перечислить и пожелать, приходится размышлять и разгадывать.

Лично для меня Любшин — актер чеховский. В плане не столько репертуара (не очень по этой части богатого), сколько школы, потому что у Чехова (Антон в данном случае) есть своя, пусть не собранная в манифест, школа. Здесь слово «нервный» — первый признак таланта. Играть приходится не ангелов и злодеев, а просто людей, но сложных да и показанных с немислимой сложностью. Тут вам и диагноз, и ирония, и — поверх всего — любовь. Здесь моделью является айсберг, где главное кроется внутри, под водой, никогда не отрываясь сполна. Зато уж если выплеснется — держись! Форма здесь не всегда отвечает сути, и холод или цинизм могут быть прикрытием чего-то

иного. Приложите все это к фильмам «Пять вечеров» или «Тема», к спектаклям «Прошлым летом в Чулимске», «Ветеран в лесу» или «Обвал» — и вы увидите Любшина.

Я называю роли не чеховские; но это не так уж и важно. Во-первых, Володин и Вампилов, авторы Любшина, — прямые наследники Чехова. Во-вторых, школа чеховская к разному применима и в разном виде. Хотя, конечно, Чехов впрок для Любшина постарелся, оставил роли во всех своих пьесах (и в прозе тоже, чем не преминул воспользоваться артист — вспомним на ТВ «Мою

жизнь» и «Три года»). Правда, здесь Любшину не слишком везет. Иванов во МХАТе был сыгран в спектакле, рассчитанном на другого. С Платоновым, Астровым и Лопахиным опоздали, с Войницким, однако, нет. Представляю, как мог бы Любшин крикнуть — «Пропала жизнь!» — и возвести тоску дяди Вани до мировой трагедии. Он ведь постоянно играет больше, чем роль, что-то возводит и расширяет в одном ему ведомом направлении. И мы уходим с ощущением тайны, которую никогда не узнаем.

Впрочем, Любшин — актер не

только чеховский (от природы), но и постчеховский (от времени). Степень остроты, жесткости и трагизма в иных ролях его пугает и поражает. Неуловим и чем-то опасен Ильин в «Пяти вечерах», весь из острых углов, постоянно опровергающий сам себя. Станный князь из «Обвала», явно — от Достоевского, показан с чеховской тонкой подсветкой, но и с жестокой трезвостью — «Бывший». А что такое Тартюф, создание Эфроса и Любшина, с которым актер не желает иметь ничего общего и демонстрирует его на дистанции, с хлестким сарказмом?

Любшин иногда может щегольнуть объективностью, с упоением играя всякую гадость, истребляя свое обаяние. Это уж оттого, что он — просто Мастер, многое (если не все) умеющий Артист! Он может достоверно сыграть японца. Может с обычным достоинством провести свою партию в «производственной» пьесе. Может превратить небольшой эпизод фильма в его кульминацию — смотри «Тему». В служебной, казалось бы, роли секретаря знаменитого композитора, рядом с Ефремовым и Смоктуновским, стать их равноправным партнером — смотри «Возможную встречу».

И Бог с ней, с формулой, — Любшин для нее, наверное, слишком широк. На популярности же его — скажем, по модному, рейтинге — это не отражается. Довелось мне однажды лететь с ним в самолете вместе с оркестром Лундстрема. Музыканты сразу узнали моего спутника, разволновались, но не ограничились изъяснением чувств. Распаковали инструменты и тут же в воздухе устроили роскошный концерт. Так мы и летели с музыкой — в честь Артиста. А может быть, это и есть формула — Артист?..

В честь дня рождения и 35-летия творческой деятельности вчера во МХАТе имени А. П. Чехова прошел спектакль «Любовь, как тихий вечер...» П.-У. Эскивиста, где в роли Ханса Кристиана Андерсена выступил юбилар — Станислав Любшин.

